

А. В. БАДМАЕВ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СТАРОКАЛМЫЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Собрания калмыцких (ойратских) рукописей и книг, имеющиеся в архивах и библиотеках СССР, а также в зарубежных книгохранилищах (МНР, ГДР, ВНР), еще не имеют своего научного описания, поэтому большинство из них не введено в научный оборот. Все богатство, заключающееся в этих собраниях, до сих пор трудно оценимо, а многие уникальные рукописи мало известны и все еще не изучены, хотя и представляют большую научную ценность. Вопросы собирания, изучения и ввода в научный оборот посредством издания текстов письменных памятников на «тодо үзүг»—одна из первых задач в калмыковедении.

Вопросы истории дореволюционной калмыцкой литературы нельзя разрешить положительно без обращения к источникам ее, в первую очередь без изучения памятников на старокалмыцкой письменности. Для этого нужно принять единую целевую установку в отношении всей калмыцкой литературы доре-

волюционного периода. Такой целевой установкой, мы полагаем, может быть только одно условие—калмыцкая литература, как культурное наследие, подлежащее критическому освоению, причем следует заметить, что для этого нам необходимо отрешиться от тех критериев, с которыми мы привыкли подходить к оценке произведений современной калмыцкой литературы. Именно так рассматривая состав калмыцкой литературы, можно с научной точки зрения и вполне достоверно осмыслить и все вытекающие отсюда вопросы, в число которых входят вопросы издания научных текстов старокалмыцкой письменности.

Известный советский ученый, историк древнерусской литературы Д. С. Лихачев как-то очень метко высказался об отношении к памятникам древнего искусства, имея в виду и литературу. Он пишет: «Эстетическое изучение памятников древнего искусства (в том числе и литературы—Ан. Б.) представляется... крайне важным и актуальным. Мы должны поставить памятники культур прошлого на службу будущему. Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками»¹. В полной мере эти слова мы можем применить и к памятникам старокалмыцкой письменности, ко всему ценному литературному наследию дореволюционного периода.

В настоящем своем кратком сообщении мы хотим остановиться на нескольких рукописных памятниках, написанных на «тодо үзүг».

¹ Д. С. Лихачев «Поэтика древнерусской литературы», издат. «Наука», Ленинград, 1967, стр. 372

Поскольку сегодня отмечается 320-летний юбилей со времени создания «ясного письма», то хочу начать с произведения, благодаря которому мы можем сейчас узнать некоторые сведения о жизни и деятельности выдающегося просветителя ойрат-калмыков. Я имею в виду сочинение Ратнабадры «Раб-жам Зая-Пандитайн туужуи Сарайн гэрэл кэмээкү орошибой». В науке это произведение известно под названием «Биография Зая-Пандиты», монгольские коллеги называют ее «Сарын гэрэл», т. е. краткое название рукописи. В настоящее время известно и обнаружено несколько списков сочинения,¹ имеется также и перевод «Сарын гэрэла» на монгольский язык, который издан в Улан-Баторе.²

Рассматриваемый памятник представляет собой один из интереснейших образцов биографического жанра старой калмыцкой литературы и был написан в конце XVII—в самом начале XVIII вв. Памятник этот представляет собою научную ценность и как литературное произведение. В нем интересны манеры изло-

¹ О списках «Сарын гэрэла», написанных «ясным письмом», см. нашу работу «Зая-Пандита». (Списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»). Элиста, 1968, в которой подробно рассмотрены все рукописи этого произведения, хранящиеся в СССР. Недавно в Улан-Баторе фототипическим способом издана найденная в Манхан сомоне Кобдоского аймака МНР рукопись «Биографии» на «тодо үзүг». См. серию «Корпус скрипторум монголорум», Том V, Вып. 2—3. Улаанбаатар, 1967 (вышла из печати летом 1968 года).

² См. серию «Корпус скрипторум монголорум». Том V, Вып. 2,—Ратнабадра «Рабжамба Цай-а бандида-йин тугуужи саран-у гэрэл кэмээкү энэ мэтү болай», Улаанбаатар, 1959.

жения, употребление старинных пословиц, поговорок, некоторые поэтические приемы. И как литературное произведение он представляет образец высокой культуры художественного слова. Несомненно, памятник даст много фактического материала историкам, лингвистам, этнографам и литературоведам, занимающимся историей культуры калмыцкого народа.

В монгольской литературе биографию или жизнеописание духовных лиц принято называть намтаром, но автор свое сочинение именует тууджи, что, как нам кажется, наиболее полно и точно отражает данное понятие и его содержание, так как в нем мы находим сведения не только о жизни и деятельности выдающегося калмыцкого просветителя Зая-Пандиты Огторгуйин Далая, но в равной степени и исторические сведения о калмыках (ойратах) за весь XVII в. Поэтому данное сочинение правильнее будет именовать историко-литературным памятником калмыцкой литературы.

В рукописных фондах г. Улан-Батора имеется рукопись под названием «Шажинь алтан нарна гэрэлин нилчи тогтон өгүүлэгсэн өлзэ Цаһаан Бадма номлол бүтэл өргүн дэлгэр сүмэн эки туурбил алтан эркэн кэмээкү орошибой». Это сочинение представляет большой интерес своими (хотя и краткими) сведениями, которых нет в «Сарын гэрэл». Как известно, Ратнабадра в своем сочинении лишь кратко назвал происхождение Зая-Пандиты Намкайджамца, но ни одним словом не обмолвился при этом, что делал, чем занимался он до посвящения в звание «тойн», т. е. до 17-летнего возраста. Вышеназванное сочине-

ние (оно именуется кратко «Цагаан бадма») содержит много разных сведений по истории, но самое ценное в нем место, где говорится, что Зая-Пандите в «этот год («көкө луу жил», т. е. в 1604 г.) исполнилось шесть лет».¹

Произведений исторических у калмыков гораздо меньше, чем у монголов. Тем не менее, своя историографическая традиция у них, вероятно, начала вырабатываться рано, и они сделали в этой области многое. По всей вероятности, многие из исторических сочинений не дошли до наших дней, поэтому говорить об этом жанре приходится на основании тех сочинений, которые известны на сегодняшний день.

Наиболее ранним историческим сочинением является труд эмчи Габан Шараба, получивший самую высокую оценку у академика Б. Я. Владимирцова, который писал, что он является «самым выдающимся «историческим» произведением, на котором сильно отразились былые эпические настроения и взгляды». В ленинградских фондах хранится несколько списков «Дөрвөн-өөрдийн түүкэ» Габан Шараба, есть также и переложение на

¹ См. рукопись «Цаган бадма», лл. 32б—33 а: «энэ жил (көкө луу—Ан. Б.) ойрод нутуг-ту хутуг тойн гэгээн зурхаан сүүдэр зооглобай кэмэрсэн», что в дословном переводе значит «в этот год в ойратском нутуке хутугту тойн гэгээн прожил 6 лет». В данном отрывке выражение «сүүдэр зооглох» очень интересное, употреблено оно высокопарно и можно было бы выразить «лета скушал». Очевидно, Зая-Пандите в 1604 г. исполнилось 5 лет и пошел 6-й год, по старокалмыцкому (монгольскому) исчислению возраст ребенка ведется со времени зачатия, а не рождения.

монгольский язык.¹ Написано оно в 1737 году на основании устных рассказов, не исключена возможность, что автор пользовался и письменными источниками. Сочинение—наиболее интересный образец исторического жанра старой калмыцкой литературы—представляет значительный интерес как памятник историко-литературный с точки зрения языка и стиля. Главное содержание «Дөрвөн өөрдийн түүкэ» составляют краткие сведения по истории ойратов (так автор называет калмыцкий народ по традиции), подробные родословные ойратских ханов и нойонов, сведения об отношениях князей друг к другу, характеристики ойратских князей.

Труд Габан Шараба, очевидно, оказал некоторое влияние на Батур-Убуши Тюменя, сочинение которого «Дөрвөн өөрдийн түүкэ» появилось в период 1801 и 1819 годов. В настоящее время в рукописном фонде ЛГУ имеется один экземпляр этого сочинения, подаренный библиотеке восточного факультета племянником автора Цэрэнджаб Тюменем и доставленный Г. Лыткиным в 1859 году. Труд Батур-Убуши Тюменя неоднократно издавался известным калмыковедом А. М. Позднеевым. Хотя «Дөрвөн өөрдийн түүкэ» Батур-Убуши Тюменя было составлено почти столет спустя после сочинения Габан Шараба, но оно мало чем отличается от последнего и не вносит сколько-нибудь существенных сведений по истории калмыцкого народа. Создан-

¹ Сочинение Габан Шараба ни разу не издавалось, но в прошлом, 1968 году, текст его издан монгольскими учеными. См. «Корпус скрипторум монголорум», Том V, вып. 2—3, Улаанбаатар, 1967, стр. 71—97.

ные в разное время оба эти сочинения имеют очень много сходного и по построению, и в сюжетном отношении. Вместе с тем, труд Батур-Убуши Тюменя свидетельствует, что историографическая традиция у калмыков не прерывалась на протяжении нескольких столетий.

Авторы вышеуказанных сочинений по истории калмыков в своих трудах упоминают имя некоего историка Алдар Гавджи и ссылаются на его мнение, однако при этом не называют написанной им работы. Вероятно, Алдар Гавджи писал или же составлял сочинение по истории ойрат-калмыков раньше Габан Шароба, но труд его так и не сохранился, во всяком случае, пока никому из исследователей не удалось его обнаружить.

Очень интересным представляется сочинение «Халимаг хаадын туужиги хураажиги бичигсэн тобчи орошибай», которое существует в нескольких списках. Автор и год составления его пока остаются неизвестными. «Краткая история калмыцких ханов» содержит сведения о калмыцком народе, начиная с момента их прихода и обоснования на берегах Волги, и заканчивается повествованием о бегстве части калмыков на Алтай в 1771 году, т. е. охватывает период во времени свыше 150 лет. В отличие от вышеуказанных сочинений автор «Краткой истории» отходит от традиционной историографии и придерживается хронологического изложения событий и фактов. В художественной форме анонимный автор живо передает картину калмыцкой степи XVII—XVIII вв., затрагивая внутреннюю историю калмыков, взаимоотношения князей, их отношение к Русскому государству и сосед-

ним народам; реалистически показана деятельность Дондук-Омбо, Дондук-Даши, Аюки и др.

В рукописном фонде Института языка и литературы АН МНР имеется рукопись «Дөрвөн өөрдийн түүкэ туужа кэмэн орошибо», составленная академиком Б. Ринченом из бывшей библиотеки дэрбэтского Тэгус Кулук Далай Хана, о чем свидетельствует надпись на лицевой стороне первого листа—«Төгөс Көлөг Далай хаани ном»; шифр ее № 853 (1). Рукопись содержит 30 листов формата 36,3x10 см, по 19 линий на странице; писана черными чернилами стальным пером. В историческом отношении это сочинение не представляет сколько-нибудь определенного интереса, так как оно написано безграмотно и очень сумбурно и путанно передает события XVIII столетия. Эта «түүкэ» гораздо больший интерес может вызвать у языковедов и фольклористов, ибо в ней упоминаются народные предания об Амурсане и Давачи нойоне. Орфография рукописи достаточно ясно показывает, что «ясное письмо» уже к концу XIX в. даже в Западной Монголии было вытеснено старомонгольской письменностью и не использовалось ойратами в такой степени, как калмыками на берегах Волги. Время составления сочинения, как и имя автора его, неизвестно. По всей вероятности, эта рукопись самая поздняя, писавшаяся на «тодо үзүг» в Западной Монголии.

В начале второй половины XVIII в. была написана «Дөрбөн өөрдийн намтар түүкэ», известная пока что на монгольском языке и хранящаяся в Улан-Баторе в Государственной публичной библиотеке. Рукопись писана

кистью на тонкой бумаге черными чернилами, почерк несколько напоминает монгольскую скоропись. Сочинение это сброшюровано в тетрадь, которая содержит 42 листа, но собственно «истории» ойратов посвящены начальные 10 листов. Очевидно об этой истории упоминает академик Б. Я. Владимирцов в статье «Монгольские сказания об Амурсане», так как предание об Амурсане в точности совпадает с пересказом выдающегося монголоведа. Заканчивается «история» ожиданием прихода Амурсаны из России и описанием примет, по которым народ узнает о его прибытии в родные кочевья.

В книгохранилищах Ленинграда имеется большое количество различных фрагментов исторических хроник, заметок и записок, всевозможные родословные ойратских и калмыцких князей и нойонов, но их упоминание в данном сообщении не обязательно. Кроме того, в самих исторических сочинениях калмыцких авторов мы находим достоверные сведения о существовавшей прежде богатой исторической литературе (см. труды Габан Шараба и Батур-Убуши Тюменя), записи о родовых поколениях и племенах и др.

Среди собраний ойратско-калмыцких рукописей в фондах Улан-Батора насчитывается сейчас около 20 сочинений по медицине, которые почти совершенно не изучены. Медицинские трактаты, как установил старший научный сотрудник Института языка и литературы АН МНР Х. Лувсанбалдан, можно классифицировать на 4 разряда: сочинения по народной медицине, переводные с тибетского, китайского и русского языков. Очень интересно сочинение по иглотерапии, переведенное с

китайского языка в шести тетрадах. Сейчас рукописный фонд ИЯЛ обладает 2 частями этого сочинения (4-я и 6-я тетради), которые изданы фототипическим способом.¹

Хотя рукописные фонды Советского Союза, Монголии, Западной Германии, Австрии, Франции, Англии содержат большое количество рукописей и ксилографов, фрагментов по различным отделам наук, написанных на «тодо үзүг», все же до сих пор очень мало можно встретить среди них литературные художественные произведения. Однако существуют достоверные данные, свидетельствующие, что ойраты-калмыки переводили художественные произведения с китайского языка, известны им были и записаны и индийские сборники рассказов. Как справедливо пишет Б. Ринчен, ойратско-калмыцкой письменностью «тодо үзүг» были записаны переводы китайского романа Си юй-цзи, повествующего о путешествии на запад, в далекую Индию монаха Сюнь-цзана (монголам и калмыкам он известен под именем Тангсан-ламы или Тангсан-бакши).² По-видимому, от некогда переведенного романа в настоящее время сохранились только некоторые фрагменты-отрывки, которые хранятся в г. Улан-Баторе. Мне приходилось видеть одну из таких рукописей без названия и конца, которая писана тростниковым пером черной тушью. Очевидно это

¹ См. «Корпус скрипторум монголорум», Том V.

Вып. 6—Unknown medical tractate in oirat characters. I.

Улаанбаатар, 1968, 162 стр.; II часть, том V, Вып. 7. Улаанбаатар, 1968, 256 стр.

² «Ойратские переводы с китайского» — в сборнике «Росчник Ориенталистични, XXX, 1», Варшава, 1966, стр. 70—71.

было начало одной из новелл Си юй-цзи, так как сочинение повествует о приключениях Тангсан-ламы по пути на Запад и обрывается 50 листом.

Особую популярность среди монгольских народов получили сборники древнеиндийских сказок, которые бытуют как в монгольском, так и на ойратско-калмыцком языке. В форме книжной и в виде устных народных переказов хорошо сохранились у монголов и калмыков «Двадцать пять рассказов Веталы», «Тридцать два рассказа львиного трона» (иначе называется «История Арджи-Бурджи хана») и др. Рукописный фонд ИЯЛ АН МНР имеет один сборник под названием «Сиддиту күрийн туужи орошибой» в 2-х частях, в которых имеется 25 рассказов (в первой части 13 рассказов, во 2-й — 12 рассказов). Очевидно, эта рукопись идентична по содержанию со сборником, который лег в основу перевода Б. Я. Владимирцова «Волшебный мертвец». Подобная рукопись имеется и в ленинградских собраниях.¹

Не менее популярной считалась и рукопись под названием «Субашида», полное название которой звучит так: «Сайтур номлохуй эрдэнийн саң кэмээкүйн шаштар». Данное сочинение имеется в нескольких экземплярах в ленинградских собраниях и представляет большой интерес, оно было переведено с тибетского языка Зая-Пандитой Намкайджам-

¹ Калмыцкие (ойратские) рукописи «Сиддиту кюри» в некоторой степени рассмотрены в работе Ц. Дамдинсурэна «О тибетских и монгольских рукописях», «Рассказов Веталы» — «Доклады монгольской делегации на XXVI конгрессе востоковедов», Изд. АН МНР, Улан-Батор, 1963.

цем на калмыцкий язык, существуют и монгольские переводы.¹ «Эрдэнийн сан субашида» — это не религиозная книга, а является сборником афоризмов, куда вошли избранные пословицы и поговорки народа. Именно этим, очевидно, книга обязана своей популярностью, так как она привлекает своим моральным пафосом, в ней народ находил целый свод нравственных правил практической жизни.

Все перечисленное выше не охватывает всех сочинений, которые можно отнести к художественным произведениям, но это ясно показывает, что таких сочинений все же было в достаточном количестве. Можно было бы этот список продолжить и дальше, так как имеются и фольклорные произведения, ставшие литературными, как, например, сказания о Гэсэре, Джангаре, хане Харангуе и другие эпические произведения.

Свое сообщение мы ограничили определенными рамками, поэтому не ведем речи вообще о письменных памятниках на «тодо үзүг», хотя обладаем многими данными по разным произведениям буддийских трактатов, философии, астрономии и астрологии и т. д. Ведь уже одно существование всевозможных сборников магических приемов — дом, чтение которых якобы изгоняет немочь, напущенную злыми духами, гадательных книжек, книжек о конских статьях, по уходу за крупным скотом и пр. без лишних слов говорит, что существовала обширная литература на этой

¹ См. «Эрдэнийн сан Субашид Цахар гэвш Лувсанчултэмийн орчуулга ба тайлбар». Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав. Улаанбаатар. 1958.

письменности, а знакомство с ней действительно открыло бы внимательному читателю и наблюдателю любопытный мир, открыло бы «особую литературу, и именно литературу, а не письменность только кочевого народа, развивающуюся в совершенно особых, не знакомых культурным народам Европы и Азии условиях».¹

320-летний юбилей письменности «тодо үзүг» — событие большой важности и значимости в культурной жизни и науке — монголоведении вообще, а калмыковедении в частности. Эта письменность, которая на бумаге запечатлела детище народной фантазии мечты и чаяния народа, вылившиеся в «Джангаре», в свое время сыграла большую роль в развитии культуры калмыцкого народа и в приобщении его к культуре цивилизованного мира. Можем ли мы начисто отрицать и пренебрегать всем хорошим и ценным в письменном наследии прошлого? Разумеется, нет. Эволюция человеческой культуры шла и идет сложными путями и стимулируется она не только созданием новых художественных ценностей, но в то же время и все более глубоким и современным осмыслением и усвоением художественного наследия. Художественное и культурное наследие каждого народа, как известно, вобрало в себя его историю и его душу, поэтому-то оно для последующих поколений является вечно живым источником духовного и эмоционального опыта, так как наследие, выражая самосознание своей эпохи, постоянно испытывает процесс обновления.

¹ См. Б. Я. Владимирцов «Монгольская литература» — сб. «Литература востока», вып. 2, Петербург, 1920, стр. 93.

Проблема изучения наследия стала чрезвычайно актуальной сразу же после Октябрьской революции, ибо новый государственный и общественный строй создал все благоприятные и необходимые условия для развития духовных сил нации. Именно в этой связи и возник вопрос об отношении к культуре прошлого, имевший и имеющий теоретическое и практическое значение. Вековая ненависть к прошлому строю жизни при строительстве новой «пролетарской культуры» на руинах старой грозила обернуться мелкобуржуазной стихией нигилизма и разрушения, начисто отменяя все культурное наследие, составной частью которой является письменность и литература. Однако наша партия сумела противопоставить всем этим ошибочным призывам ясную ленинскую концепцию отношения к культурному наследию и отстояла ее в суровой борьбе. Эта ленинская концепция культурно-классического наследия лежит в основе художественной политики Советской власти и является руководством советских литературоведов.

Развитие культуры, в том числе и литературы, тесно и неразрывно связано с гражданской историей, хотя оно и идет своими особыми путями. В сущности все прогрессивное, значительное в прошлом искусстве так или иначе по своему содержанию и духу не только не враждебны народу, но, наоборот, близки его жизненным интересам.

Прошедшие научные конференции по «тодо үзүг» (г. Элиста и г. Улан-Батор) в полной мере затронули все вопросы культурного наследия и выявили ряд проблем, которые все еще находятся на первоначальной стадии изучения.